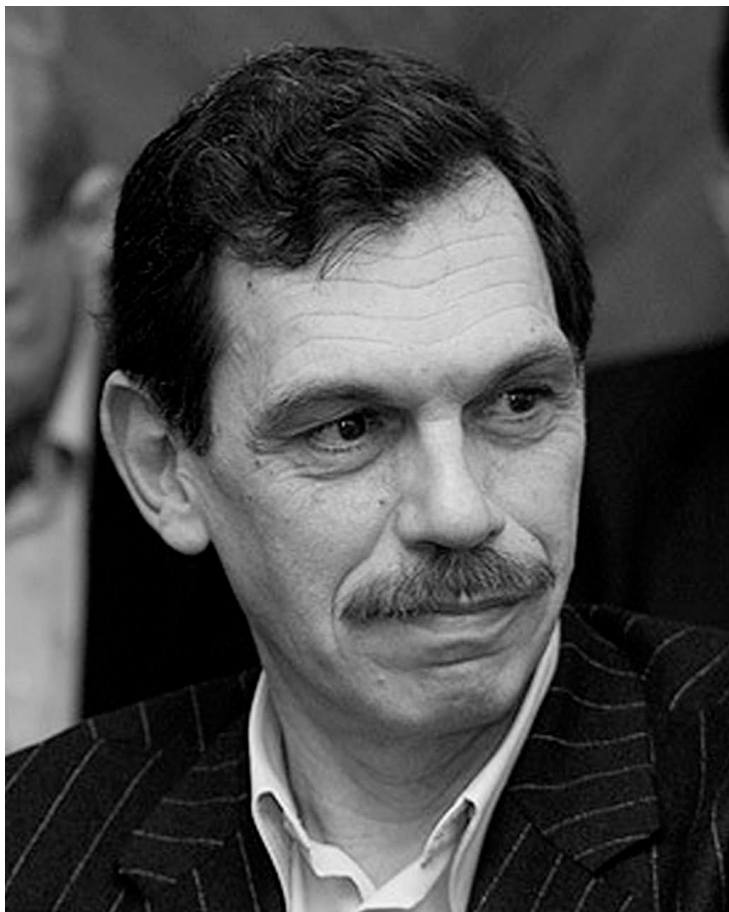

**ПАМЯТИ
АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА
ПОЛЕТАЕВА**

27.09.1952 – 18.09.2010

Недавно мы потеряли одного из наших самых талантливых и самых верных авторов – доктора экономических наук, профессора ГУ ВШЭ, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН Андрея Владимировича Полетаева.

Андрею Владимировичу были присущи яркая индивидуальность, благородство натуры, независимость суждений, широкая эрудиция. Он обладал глубоким и острым умом, в равной мере аналитическим, теоретическим и критическим. В его творческом наследии – фундаментальные труды по разным областям социально-гуманитарного знания. Отличаясь редкой, для наших дней разносторонностью научных интересов, он не допускал дилетантства, предъявляя к себе самые высокие требования, и во всех направлениях, в которых занимался исследовательской работой, оставался настоящим профессионалом.

Хорошо известны и высоко оценены в разных исследовательских сообществах масштабные научные труды А. В. Полетаева (совместно с И. М. Савельевой) по теории исторического знания: *История и время: В поисках утраченного* (М., 1997), *Знание о прошлом: Теория и история: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого* (СПб., 2003, 2006), *Классическое наследие* (М., 2010).

Статьи, опубликованные в нашем журнале:

- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Эмпирические основания исторической науки // *Диалог со временем*. Вып. 2. М.: УРСС, 2000. С. 36–51.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* История как теоретическое знание // *Диалог со временем*. Вып. 3. М.: УРСС, 2000. С. 15–33.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Историческая истина: эволюция представлений // *Диалог со временем*. Вып. 4. М.: УРСС, 2001. С. 162–181.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Прагматика истории // *Диалог со временем*. Вып. 10. М.: УРСС, 2003. С. 7–35.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Плоды романтизма // *Диалог со временем*. Вып. 11. М.: УРСС, 2003. С. 40–83.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // *Диалог со временем*. Вып. 18. М.: УРСС, 2007. С. 68–96.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Темпоральная картина мира в архаичных системах знания // *Диалог со временем*. Вып. 21. М.: ЛКИ, 2007. С. 22–51.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Возведение истории в ранг науки // *Диалог со временем*. 2008. Вып. 25/1. С. 26–54.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Российские историки в зарубежных журналах // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 5–21.

Ниже мы публикуем статью Андрея Владимировича Полетаева и его неизменного соавтора Ирины Максимовны Савельевой о механизме формирования социальных представлений о прошлом.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О ПРОШЛОМ АНАЛИТИЧЕСКАЯ СХЕМА

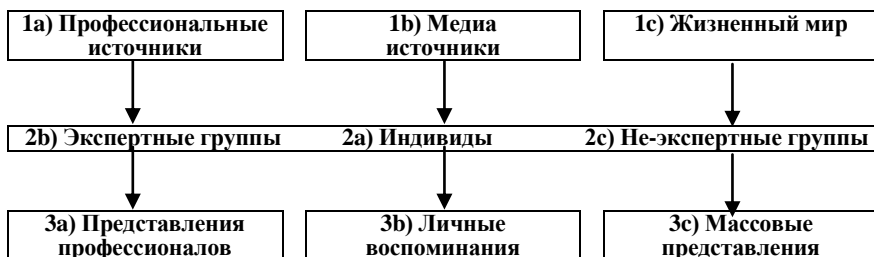
В данной статье предпринимается попытка систематизации различных подходов к анализу механизма формирования социальных представлений о прошлом и предлагается концепция, демонстрирующая познавательные возможности и взаимосвязи разных дисциплинарных дискурсов. Новизна предложенного авторами подхода состоит в том, что сложный феномен формирования социальных представлений о прошлом представлен в виде условной схемы, структурирующей процесс производства, передачи и усвоения знаний о прошлом. Авторы выделяют три уровня формирования представлений и, соответственно, три объекта анализа: источники формирования представлений о прошлом, собственно механизм формирования и конечные результаты этого процесса, то есть содержание представлений о прошлом.

Ключевые слова: *социальные представления, прошлое, механизмы конструирования прошлого, источники знаний, экспертное/профессиональное знание, медийные источники, обыденное знание, индивидуальные представления.*

В последние годы социальные представления о прошлом (знания населения о прошлом) привлекают внимание исследователей самых разных направлений, равно как и средств массовой информации. Однако процесс идентификации и разработки ключевых проблем формирования корпуса исторических знаний пока развивается довольно стихийно. В данной работе предпринимается попытка систематизации различных подходов к анализу данного явления и предлагается общая аналитическая схема, демонстрирующая познавательные возможности и взаимосвязи разных дисциплинарных дискурсов.

Сложный феномен формирования социальных представлений о прошлом может быть представлен в виде следующей условной схемы, структурирующей процесс производства, передачи и усвоения знаний о прошлом. Естественно, это – теоретическая схема, и на практике границы между отдельными ее сегментами могут быть достаточно расплывчатыми. Как показано на схеме, прежде всего, можно выделить три уровня формирования представлений и, соответственно, три объекта анализа: 1) источники формирования; 2) механизм формирования и

3) конечные результаты этого процесса, то есть содержание представлений о прошлом. Понятно также, что каждый из этих уровней имеет явно выраженное социально-пространственное и временное измерение.

1. Источники формирования представлений/знаний о прошлом

Результаты эмпирических наблюдений и изучение работ по теме, позволяют выделить три основных класса источников формирования социальных представлений о прошлом: а) профессиональные источники; б) «медиа-источники»; в) «жизненный мир». Предлагая их краткий анализ, мы обращаем внимание на следующие направления исследования: i) конкретные типы источников внутри каждой группы; ii) удельный вес информации о прошлом в каждом из этих типов, т.е. относительная роль информации (знаний) о прошлом, содержащаяся в разных источниках; iii) степень их использования (распространения) в обществе; iv) основные подходы к изучению этих источников.

1а) Профессиональные источники

Профессиональные источники включают, во-первых, *исторические источники в строгом (историографическом) смысле*, то есть различного рода архивные документы и археологические находки, а также другие виды письменных и вещественных свидетельств, используемых профессиональными историками и археологами. Во-вторых, к профессиональным источникам можно отнести работы, конструирующие картину прошлого, выполненные в рамках различных видов экспертного знания, то есть *профессиональные тексты*, точнее, *дискурсы*, поскольку в широком смысле сюда относятся, например, и профессиональные лекции, а также устные выступления на конференциях, семинарах и т.д.

Если говорить об источниках, содержащих информацию о прошлой *социальной* реальности, то речь идет прежде всего о религии/теологии, философии, идеологии, общественных науках в целом и исторической науке и археологии, в частности. При этом только исто-

рия и археология являются специализированным знанием о прошлом. Другие типы знания не концентрируются специально на проблемах прошлого, но имеют некие темпоральные характеристики, т.е. содержат представления о прошлом, настоящем и будущем, о процессе социальных изменений, о состоянии и характеристиках «социальной реальности» в разные моменты времени и т.д. В целом можно сказать, что в них осмысливается бытие человека во времени.

Список экспертных источников формирования знаний о прошлом этим, естественно, не ограничивается – сюда относятся и некоторые естественнонаучные дисциплины – прежде всего физика, геология, биология – формирующие представления о прошлом природного мира.

Очевидно, что профессиональные источники используются в первую очередь самими экспертными группами (членами экспертных сообществ), специализирующимися в той или иной области знания (например, исторические и археологические источники в строгом смысле слова используются почти исключительно профессиональными историками и археологами). Еще одна группа (группы), которая в той или иной мере обращается к профессиональным источникам, хотя и менее систематическим образом, – профессиональные сообщества, производящие медиа-информацию о прошлом в широком смысле – от рядовых служителей церкви и школьных преподавателей истории до создателей исторических романов и исторических фильмов.

Анализ профессиональных сведений о прошлом осуществляется в большом числе исследований, которые можно условно обозначить как «историографию» в широком смысле, включая анализ работ, содержащих информацию о прошлом, в разных областях профессионального знания (история философии, история религии, история медицины и т.д.).

1б) Медиа-источники

Этим термином мы обозначаем широкий класс *массовых* источников, которые очень интересуют исследователей в последние десятилетия. Речь идет о таких объектах, как устный эпос, ритуалы, проповеди, коммеморации, памятники и мемориалы, музеи, учебники, популярные издания, масс-медиа (газеты, журналы, радио, телевидение), различные формы искусства (исторические романы, художественные фильмы и разные виды театрального искусства, историческая живопись и т.д.).

Медиа-источники, или массовые источники, что отражается в их названии, выступают в качестве средств информации о прошлом для самых широких групп населения. Удельный вес информации о прошлом в каждом из подобных источников варьируется, но в целом он довольно велик (обратим внимание на долю исторических романов в ху-

дожественной литературе, исторических фильмов в кинематографе, сведений о прошлом в религиозных проповедях и ритуалах и т.д.).

Практически любому из этих источников посвящено уже немало исследований. Традиция изучения различных видов устной эпики – легенд, сказаний, преданий, былин, мифов и т.п. – сложилась в позапрошлом веке. Литература здесь столь обширна, что мы ограничимся упоминанием лишь некоторых новейших теоретических сочинений, характеризующих принципы изображения прошлого в разных видах устных дискурсов¹. В последние десятилетия появилось немало работ, анализирующих исторические романы и фильмы, театральные постановки, исторические передачи на телевидении². Большой популярностью в качестве объектов исследования пользуются школьные учебники истории³. В России – даже учебники культурологии можно рассматривать как образцы «историософии для учащихся». Изучаются исторические памятники, монументы, а также связанные с прошлым церемонии (в том числе праздничные, как религиозные, так и гражданские) и коммеморации⁴. Столь же распространены и работы о формировании образов прошлого в идеологических (политических) дискурсах.

При анализе медиа-источников много внимания обращают на цели, которые ставят создатели этих источников. В первую очередь речь идет об идеологических интенциях авторов: изучению идейно-политических характеристик медиа-источников в целом принадлежит ведущее место. Образовательные и просветительские функции медийных средств сегодня интересуют исследователей в гораздо меньшей степени.

1в) «Жизненный мир» (Lebenswelt)

Термин «жизненный мир» был введен в оборот Э. Гуссерлем и активно использовался А. Шюцем⁵. В самом общем виде это – «мир повседневного опыта». В пределах нашей темы к «жизненному миру» («повседневному жизненному опыту») можно отнести информацию, получаемую индивидом в результате личных впечатлений (и превращающуюся с течением времени в информацию о прошлом), а также сведения о прошлом, получаемые в процессе повседневной коммуника-

¹ Гринцер. 1971; Гуревич. 1972; Топоров. 1973.

² О художественной литературе: Андреев. 2005; Дубин. 2005; о театрализованных действиях: Колязин. 2002; о кинематографе: Rosenstone. 1995; *The Historical Film*. 2001; Самутина. 2005.

³ Ферро. 1992 [1986]; *Knowing, Teaching, and Learning History...*

⁴ Уорнер. 2000 [1959]. С. 113–254; *Les lieux de mémoire* 1984–1993; Нора. 1999 [1993]; Озуф. 2003 [1996].

⁵ Шюц. 2004 [1932].

ции от различных собеседников. Эта информация имеет самый разнообразный характер, как на уровне личных впечатлений, так и устной коммуникации (от рассказов очевидцев до пересказа информации, полученной из других источников, в том числе массовых, или опять-таки межличностной коммуникации).

Для стороннего наблюдателя жизненный мир индивида и извлекаемая из него информация о прошлом являются ненаблюдаемыми, поскольку в большинстве случаев они не интересобъективны и специфичны для каждого человека. В то же время эта информация играет весьма существенную роль в формировании индивидуальных социализированных представлений о прошлом. Это демонстрируют, в частности, многочисленные специальные исследования, ориентированные на выяснение источников происхождения тех или иных представлений.

2. Механизм формирования представлений о прошлом

Механизм формирования представлений о прошлом можно изучать на трех уровнях: индивида, экспертных групп и непрофессиональных групп (масс).

2а) Индивиды

При исследовании на уровне индивида речь идет прежде всего об анализе общих механизмов восприятия, переработки, усвоения и запоминания информации, включая влияние социальных факторов на индивидуальные воспоминания. По этой проблеме имеется гигантское число работ в области психологии, как экспериментального, так и теоретического характера. Помимо общих исследований по психологии познания, восприятия, памяти и т.д., следует отметить работы по психологии обучения. Особо можно выделить исследования (относительно немногочисленные), анализирующие психологические проблемы усвоения материала учебников по истории. Большое внимание уделяется анализу влияния социальных факторов на индивидуальные воспоминания⁶.

2б) Экспертные группы

Имеется большое число исследований в области социологии знания, посвященных анализу механизмов формирования экспертного знания (прежде всего научного)⁷. Однако экспертное знание о прошлом не

⁶ Прежде всего, речь идет о работах З. Фрейда и его последователей (вытесненные воспоминания), «эпизодической» (Э. Тульвин) и «автобиографической» (Дж. Робинсон) памяти и некоторых других направлениях *Tulving*. 1972; 1983; *Robinson*. 1976; *Autobiographical Memory...*; *Remembering our Past...*; *Нуркова*. 2000.

⁷ *Gilbert*. 1976; *Малкей*. 1983 [1980]; *Knorr-Cetina*. 1981; *Gilbert, Mulkey*. 1984.

выделяется в этих работах в качестве самостоятельного объекта исследования (исключение – монография авторов)⁸.

2в) Не-экспертные группы

Существует множество разных типов социальных групп – семейные, этнические, локально-территориальные, статусно-сословные, профессиональные, религиозные, партийно-политические и т.д. Групповое прошлое (прошлое нынешних и бывших членов группы) имеет разную значимость для различных групп. В некоторых случаях роль этих представлений относительно невелика (например, для современных профессиональных сообществ), в других – прошлое оказывается едва ли не ключевым элементом групповой идентификации. Прежде всего, это относится к первичным (и древнейшим) общностям – семейно-родовым и этно-территориальным, но также и ко многим группам, возникающим в современных дифференцированных обществах.

Колоссальный опыт, накопленный в социальной психологии и общей социологии в рамках изучения психологии социальных групп пока еще не нашел активного применения в исследовании механизмов формирования социальных (групповых) представлений о прошлом.

В дополнение к трем основным направлениям изучения механизмов формирования представлений о прошлом можно упомянуть также проблемы социального распределения знания в обществе, механизмов релевантности, разных уровней индивидуального знания, различий между экспертным и обыденным знанием и др. Все эти темы в общем виде обсуждались, в частности, в работах А. Шюца⁹ и некоторых его последователей, но без конкретной привязки к знаниям о прошлом.

3. Содержание социальных представлений о прошлом

Выделим три основных типа источников, по которым можно судить о существующих (существовавших) в том или ином обществе представлениях о прошлом: экстернализированные индивидуальные представления профессионалов (экспертов); экстернализированные индивидуальные представления непрофессионалов; так называемые «массовые» или групповые представления на уровне массового сознания.

3а) Представления профессионалов (экспертов)

Знания экспертов о прошлом отражаются, естественно, в соответствующих профессиональных дискурсах (текстах и устных выступлениях), которые одновременно являются источниками формирования

⁸ Савельева, Полетаев. 2003–2005, особ. т. 1, гл. 3.

⁹ Шюц. 2004 [1946]; 2004 [1970 посм.] и др.

представлений для других членов экспертных групп. Индивидуальные представления экспертов, исходно выступающие в качестве мнений, проходят экспертизу в рамках соответствующего профессионального (экспертного) сообщества и, в случае их признания, входят в так называемый социальный запас знания. Признанные мнения экспертов, таким образом, получают статус знания и, в некотором общем смысле, могут рассматриваться как отражение групповых представлений членов соответствующих профессиональных (экспертных) групп.

Конечно, как отмечал еще Й. Хёйзинга, «...всякое историческое знание об одном и том же предмете – независимо от того, является ли этим предметом город Лейден или Европа в целом, – выглядит в голове ученого А совсем не так, как в голове ученого Б, даже если оба они прочли абсолютно все, что можно было прочесть на данную тему... В отдельном мозгу историческое знание никогда не может быть чем-то большим нежели память, откуда могут быть вызваны те или иные образы. In actu это знание существует лишь для пришедшего экзаменоваться студента, отождествляющего его с тем, что написано в книге» (Хёйзинга. 1997 [1929]. С. 219). Тем не менее, с известной условностью, все же можно говорить о существовании некоего относительно общепризнанного «знания» в рамках конкретных экспертных групп. Естественно, всегда существует некоторая неопределенность, какие именно экспертные мнения можно считать признанными соответствующей экспертной группой, а какие – нет. В практических исследованиях в качестве критерия выступают различные показатели укорененности и степени распространения (использования) тех или иных конкретных представлений в профессиональном сообществе (участия в индивидуальном запасе знания членов соответствующей группы).

В качестве таких показателей используются, во-первых, индексы цитирования и оценки интенсивности ссылок (в том числе условные оценки для прошлых периодов); во-вторых, различные показатели степени распространения и «популярности» в профессиональном сообществе соответствующих текстов (тиражи изданий, количество переизданий, количество переводов на другие языки и т. д.); в-третьих, степень включенности тех или иных конкретных концепций в учебные курсы, прежде всего ориентированных на подготовку профессиональных специалистов в соответствующей области.

Кроме того, здесь возникает проблема определения границ соответствующей группы, для которой те или иные профессиональные

представления можно условно считать общими¹⁰. Во многих случаях в качестве профессиональных сообществ, имеющих общие («групповые») представления о прошлом приходится выделять относительно небольшие группы – школы, течения, кружки и другие «группы профессиональных единомышленников». Часто такие группы четко локализованы во времени и в социальном пространстве. Но в целом эта тема пока еще мало разработана, учитывая множество различных школ в профессиональных сообществах. Единственное исключение – это работы по историографии, в которых рассматриваются и анализируются взгляды на прошлое отдельных исторических школ, течений и направлений в рамках «исторического цеха» (равно как и отдельных историков).

Отдельная проблема связана с оценкой произведений, которые выше мы обозначили как медиа-источники. В отличие от произведений, предназначенных для профессионалов, которые в целом можно считать выражающими представления авторов о соответствующей части прошлого, в случае с произведениями, предназначенными для «массового употребления», это, видимо, не так. Вряд ли можно говорить о том, что исторический роман адекватно отражает представления о прошлом его автора, равно как и исторический фильм вряд ли отражает фактические представления о прошлом автора сценария и режиссера фильма, не говоря уже обо всей съемочной группе, от актеров до осветителей. В то же время какие-то аспекты представлений о прошлом авторов эти произведения, видимо, все же в себе содержат, так что данная тема все же заслуживает дальнейшего изучения.

3б) Индивидуальные воспоминания

Индивидуальные воспоминания в последние десятилетия привлекают большое внимание как специалистов, так и «широкой публики». Этот жанр известен со времен древности (в каком-то смысле даже многие древние «исторические» сочинения и летописи в значительной мере представляли собой личные воспоминания, начиная, по крайней мере, с «Записок о Галльской войне»). Но если раньше создание «воспоминаний» и «мемуаров» было уделом единиц, то начиная с эпохи Возрождения подобные произведения постепенно распространяются все шире¹¹, а к концу XX в. становятся едва ли не массовым явлением.

Понятно, что все мемуары охватывают очень ограниченную часть прошлого – в границах сознательной жизни самого автора (все, что вы-

¹⁰ В качестве примера анализа представлений о прошлом наиболее широких экспертных групп см.: *Савельева, Поletaев*. 2003–2005. Т. 2.

¹¹ *Дэвис*. 1994 [1977].

ходит за эти хронологические рамки, относится к «медиа-источникам» и лишь косвенно отражает авторские представления). Впрочем, и в пределах времени собственной жизни этот источник не позволяет составить сколько-нибудь надежное и целостное суждение о действительных представлениях автора – публичный статус «мемуаров» ведет к существенным (сознательным или несознательным) искажениям индивидуальной репрезентации прошлого (наиболее характерны в этом отношении мемуары различных политических деятелей).

Определенные перспективы имеет так называемая «устная история», основанная на более массовом сборе индивидуальных воспоминаний¹². Дополнительный импульс этому направлению дало развитие технических средств – аудио- и видеозаписи. Здесь искажения реальных воспоминаний, связанные с эффектом «публичности», играют несколько меньшую роль (хотя и не исчезают полностью при беседе с полевым исследователем, как и в любом разговоре с посторонним человеком). Но пока этот материал используется весьма эпизодически и не системно.

Для полноты картины можно упомянуть и такой пока не вовлеченный в научный оборот источник, как результаты клинических наблюдений пациентов, проходящих курс лечения у психиатров и психотерапевтов. Конечно, на индивидуальном уровне здесь действуют ограничения, обусловленные необходимостью соблюдения врачебной тайны и неразглашения воспоминаний пациентов, но потенциально возможны обобщения отдельными врачами накапливаемого клинического материала.

3в) «Массовые» представления

Со второй половины XX в. важное место среди источников, позволяющих судить о социальных представлениях о прошлом, заняли социологические обследования, которые делятся на три основные группы – так называемые опросы общественного мнения, обследования фокус-групп и углубленные интервью. Появление социологических обследований, в принципе, открыло широкие возможности для изучения социальных (массовых, групповых) представлений о прошлом, однако эти возможности пока реализованы, мягко говоря, далеко не в полной мере. В подавляющем большинстве случаев в опросах общественного мнения вопросы, позволяющие выявить содержание представлений о прошлом, являются второстепенными, побочными, несистематическими, и их включение в опросные листы обычно диктуется иными целями – прежде всего, стремлением дополнить «историческим фоном» картину политических пристрастий населения, выявить, как оценивается текущая си-

¹² Томпсон. 2003 [1978/2000].

туация (политическая, социальная, экономическая, культурная) в данной стране по сравнению с предыдущими периодами.

Опросы, специально ориентированные на выявление социальных представлений о прошлом, крайне немногочисленны¹³. Столь же редки в этой области и другие виды социологических обследований – обследования в фокус-группах и углубленные интервью.

Для полноты картины упомянем еще об одном виде массовых обследований – проверке знаний школьников и студентов. Такие массовые тесты и опросы проводятся в США с 1915 г., с 1987 г. они включены в общую тестовую программу проверки знаний школьников (NAEP – National Assessment of Education Progress – Национальная оценка прогресса в образовании). В Западной Европе такого рода массовые тесты проводятся со второй половины 1990-х гг., наконец, в России к этой же группе можно отнести результаты Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по истории, введенного в 2000-е гг. Кроме того, часто обследуются знания по истории студентов средних и высших учебных заведений (колледжей и университетов). Эти обследования представляют несомненный интерес, однако они ориентированы на проверку знаний, усвоенных при изучении школьного курса истории (прежде всего национальной), а не на выявление общих представлений о прошлом. Кроме того, как показано в работе С. Уайнбёрга, целью тестов является не столько выявление общего уровня знаний, сколько ранжирование учащихся¹⁴. В результате в тесты включаются только те вопросы, которые обеспечивают нормальное распределение общих результатов, то есть позволяют разделить студентов по уровню знаний (характерный пример – тесты ЕГЭ, где одной из целей составителей тестов является обеспечение среднего результата на уровне 50% от возможного).

В заключение остановимся еще на одном аспекте проблемы – историческом. Понятно, что представления о прошлом, как и любые социальные представления, сильно меняются во времени. К сожалению, *история* представлений о прошлом изучена в гораздо меньшей степени, чем их нынешнее состояние. С точки зрения исторической репрезентативности мы имеем следующую ситуацию: с некоторой долей условности наличный материал позволяет анализировать прошлые представления членов экспертных групп (эти источники сохраняются в наиболь-

¹³ Например, в США – обследование *Rozenzweig, Thelen*. 1998; и опросы Pew Research Center и ABC News в 1999 г., в России – опросы Социологического центра Российской академии государственной службы (РАГС) в 1990, 2001 и 2003 гг.

¹⁴ *Weineburg*. 2004.

шей степени). Гораздо менее обширным (не говоря уже о степени надежности) источником являются различного рода персональные мемуары. Что же касается действительно массовых (групповых) представлений, то этот источник практически полностью отсутствует до XX в.¹⁵

Отметим, что здесь часто происходит подмена объекта исследования – во множестве работ исследуются различные источники формирования представлений о прошлом (ритуалы, устный эпос и т.д.), которые выдаются за источники сведений о самих представлениях. Однако, как показывает современная практика, позволяющая прямо сопоставить содержание источников формирования массовых представлений (медиа-источников) с содержанием самих представлений (результаты социологических обследований), такая подмена абсолютно неправомерна.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев М. Л.* Поэтика прошлого // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Гринцер П. А.* Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира / Ред. П. А. Гринцер. М.: Наука, 1971. С. 7–67.
- Гуревич А. Я.* История и сага. М.: Наука, 1972.
- Дубин Б. В.* Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 252–291.
- Дэвис Н. З.* Духи предков, родственники и потомки: некоторые черты семейной жизни во Франции начала нового времени [1977] // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 201–241.
- Колязин В. Ф.* От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. М.: Наука, 2002.
- Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001 [1975].
- Малкей М.* Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983 [1980].
- Нора П.* Эра коммемораций [1993] // П. Нора и др. Франция–память. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999 [1984–1993]. С. 95–148.
- Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
- Озуф М.* Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003 [1976].
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Том 1: Конструирование прошлого; том 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006.
- Самутина Н. В.* Современное европейское кино и идея культуры («прошлого») // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

¹⁵ Чуть ли не единственное исключение – работа Э. Ле Руа Ладюри, в которой анализируются представления о прошлом жителей деревни Монтайю в начале XIV в. (*Ле Руа Ладюри* 2001 [1975]. С. 342–345).

- Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М.: Весь мир, 2003 [1978/2000].
- Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1973. С. 106–150.
- Уорнер У. Л. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000 [1959].
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992 [1986].
- Хёйзинга Й. Задачи истории культуры [1929] // Хёйзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс Традиция, 1997. С. 216–272.
- Шюц А. Смысловое строение социального мира [1932] // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 685–1022.
- Шюц А. Хорошо информированный гражданин: Очерк о социальном распределении знания [1946] // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 557–572.
- Шюц А. Размышления о проблеме релевантности [1970 посм.] // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 235–398.
- Autobiographical Memory / Ed. D. Rubin. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Gilbert G. N. The Transformation of Research Findings into Scientific Knowledge // Social Studies of Science. 1976. V. 6. No. 3/4. P. 281–306.
- Gilbert G. N., Mulkay M. Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.
- The Historical Film: History and Memory in Media / Ed. M. Landy. New Brunswick (NJ): Rutgers Univ. Press, 2001.
- Knorr-Cetina K. D. The Manufacture of Knowledge. Oxford: Pergamon Press, 1981.
- Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspective / Eds. P. Stearns, P. Seixas, S. Wineburg. N. Y.: New York Univ. Press, 2000.
- Les lieux de mémoire / Ed. P. Nora. 7 vols. P.: Gallimard, 1984–1993.
- Remembering Our Past: Studies in Autobiographical Memory / Ed. D. Rubin. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Robinson J. A. Sampling Autobiographical Memory // Cognitive Psychology. 1976. V. 8. No. 4. P. 578–595.
- Rosenstone R. A. Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1995.
- Rozenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1998.
- Tulving E. Episodic and Semantic Memory // Organization of Memory / Eds. E. Tulving, W. Donaldson. N. Y.: Academic Press, 1972. P. 381–403.
- Tulving E. Elements of Episodic Memory. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1983.
- Weineburg S. Crazy for History // The Journal of American History. March, 2004. V. 90. No. 4. P. 1401–1414.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор ГУ – Высшей школы экономики, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ - ВШЭ; isavelieva@hse.ru